

Глава 8 **НА ВЕТЕРАНСКОМ ФРОНТЕ**

Ему до всего было дело. К нему обращались ветераны по самым разным вопросам. Душевная доброта, общительность, любовь и уважение к людям были отличительными чертами этого легендарного и простого человека, составляли суть его нравственности.

**М. А. Моисеев, генерал армии,
председатель Российского союза
ветеранов**

Строгий и одновременно красивый двухэтажный особняк под номером 4 на Гоголевском бульваре Москвы, где находился СКВВ, стал для Маресьева на многие годы вторым домом. Сюда он приезжал каждое утро, обычно к 9 часам, но часто бывало, что и раньше. Неторопливо, без палочки шел в свой кабинет. Дежурный по комитету сразу узнавал его по шагам — во время ходьбы каблуки туфель Алексея Петровича тяжелее обычного стучали по паркету.

Но не в паркет даже было дело, о чем свидетельствует Н. Денисенко, коллега Маресьева: «Утром я на дежурстве. Встречаю одного, второго, третьего... Но вот открывается дверь. На пороге появляется Алексей Петрович Маресьев. А на его лице... Не сумрачность, не усталость, не озабоченность... А приветливая, обаятельная улыбка.

И я с радостью иду ему навстречу:

— Здравствуйте, Алексей Петрович!

С его доброй, приветливой улыбки у нас начинался рабочий день».

В приемной перед его кабинетом с табличкой «Ответственный секретарь комитета Маресьев А. П.», как правило, уже ждали приема несколько «ходовков». А в иные дни, случалось, что здесь яблоку негде было упасть. Это когда приезжала какая-нибудь делегация. Маресьев приветливо встречал гостей, с каждым здоровался за руку, а потом по очереди приглашал посетителя или группу к себе в кабинет.

— Всех приму, и все вопросы решим, — своим слегка хрипловатым голосом обычно говорил он.

Если в приемной не было посетителей, что бывало крайне редко, Алексей Петрович успевал обзвонить министерства и ведомства. Телефонные переговоры, в том числе и по «кремлевке», нередко шли на повышенных тонах. Как свидетельствовали коллеги, больше всего от Маресьева доставалось Минздраву, работники которого нередко волокитили решение ветеранских вопросов. Алексей Петрович признавался:

— Портится настроение от того, что всем помочь не удастся. И просишь, и уговариваешь, и авторитетом давишь, а результат не всегда положительный.

В его просторном кабинете на стене висела схема боевых действий на Курской дуге. Крупными буквами были выделены населенные пункты, широко известные по тяжелым и кровопролитным боям: Поньри, Ольховатка, Обоянь, Прохоровка... Все это напоминало ему о минувшей войне. Да и фронтовики, в том числе однополчане Маресьева, бывавшие в кабинете, глядя на карту, тоже вспоминали «об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...». И как-то легче выстраивался и склеивался разговор, порой трудный, тягостный.

Круг вопросов, которыми занимался Маресьев, был большой. Согласно уставу, должность председателя комитета была общественной, парадной, если можно так выразиться. Поэтому всю тяжесть организационной работы и груз ответственности за нее нес ответственный секретарь, то есть Маресьев. По сути, Алексей Петрович был начальником штаба, который планировал, организовывал и предлагал наиболее эффективные и грамотные варианты решения поставленных задач.

Без преувеличения можно сказать и о том, что Маресьев не только стоял у истоков этой мощной советской ветеранской организации, а лично ее создавал. На его плечи полностью легла подготовка положений о президиуме, секциях, редакционном совете, а потом и согласование документов с юристами и властными структурами. Он добивался выделения помещения, транспорта, разрабатывал и утверждал штатное расписание в центре и на местах, пробивал финансирование. Иными словами, немало кабинетов обошел на своих протезах...

СКВВ был уникальной в своем роде общественной организацией. Эта структура, имевшая филиалы в областях, краях и республиках Советского Союза, в отличие от других общественных организаций не собирала членские взносы и не выдавала членских билетов. Когда гости из-за рубежа у того же Маресьева спрашивали о том, кто является членом СКВ В, он коротко отвечал:

— Вся страна.

Алексей Петрович не кривил душой. Миллионы людей, за плечами которых была страшная кровопролитная война, по сути, являлись членами СКВВ. Это ветераны Вооруженных сил, участники партизанского движения, подпольщики, бывшие узники фашистских концлагерей, инвалиды войны, бойцы народного ополчения... От их имени СКВВ как уполномоченный орган выступал на различных международных площадках в защиту мира, чтобы пламя войны вновь не запылало и над Европой, и над другими континентами.

Уже в первые годы своей деятельности СКВВ занял прочные позиции в международном ветеранском движении, у него установились прочные контакты с организациями ветеранов войны Италии, Бельгии, Норвегии, ряда других стран.

Наиболее добрые отношения у комитета сложились с французскими ветеранами, в частности, из знаменитого авиационного полка «Нормандия — Неман». У этого полка героическая история. Сражаясь с немецкими захватчиками в составе 303-й авиадивизии 1-й воздушной армии, французские летчики совершили более 5 тысяч самолетовылетов, провели почти 900 воздушных боев, сбили 273 самолета противника. В июне 1945 года французские летчики на боевых самолетах Як-3, переданных Францией советским правительством, улетели на родину. Однако связь не прервалась, она продолжилась в мирной жизни. В тот период советские и французские ветераны немало сделали для сохранения мира в Европе.

Этот мост фронтовой дружбы, если можно так выразиться, был построен и во многом благодаря Маресьеву. Начало ему было положено на аэродроме в Иванове, где в 1943 году лейтенант Маресьев впервые встретился с французскими летчиками, в том числе с командиром эскадрильи майором Жаном Луи Тюланом*, капитаном Роланом де ла Пуапом*, младшим лейтенантом Марселем Альбером**. Потом их пути пересеклись в небе на Курской дуге, а в мирные дни, в частности, с де ла Пуапом — в Москве, Туле, Волгограде, Париже, Монтрее...

*** Ж. Л. Тюлан совершил 55 боевых вылетов и пропал без вести во время воздушного боя 17 июля 1943 года на Курской дуге, тело было найдено только через 20 лет после окончания войны и погребено в Москве на Введенском кладбище, на могиле — табличка «Неизвестный французский летчик». Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.**

В начале 1960 года в Париже состоялась премьера франко-советского фильма «Нормандия — Неман». А в марте аналогичное мероприятие прошло и в Москве. На премьеру этой картины по приглашению Министерства культуры СССР и СКВВ прибыла французская делегация. Песня, прозвучавшая в этом фильме, сразу стала своего рода гимном советских и французских летчиков. Ее чеканные строки (автор — Евгений Долматовский) призывали хранить память о войне, свято беречь дружбу, скрепленную кровью:

Я волнуюсь, заслышав французскую речь,
Вспоминаю далекие годы.
Я с французом дружил, не забыть наших
встреч Там, где Неман несет свои воды.
Там французские летчики в дождь и туман По
врагу наносили удары,
А советские парни в рядах партизан Воевали в
долине Луары.
Что ты делаешь нынче, французский собрат,
Где ты ходишь теперь, где летаешь?
Не тебя ль окликал я: «Бонжур, камарад!»
Отвечал ты мне: «Здравствуй, товарищ!»
Мы из фляги одной согревались зимой,
Охраняли друг друга в полете,
А потом ты в Париж возвратился домой
На подаренном мной самолете.

Я приеду в Париж, все дома обойду,
Под землю весь город объеду.
Из «Нормандии» летчика там я найду,
Мы продолжим былую беседу.

*** Виконт Ролан Пользд'Ивуадела Пуап сбил 16 самолетов противника (7 лично и 9 в группе), и 28 октября 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1949 году он вышел в отставку в звании полковника.**

**** К октябрю 1944 года М. Альбер сбил 23 самолета противника, и 27 ноября 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1949 году он вышел в отставку в звании капитана, а в 2010 году, за четыре месяца до своей смерти, был награжден высшей наградой Франции — Большим крестом Почетного легиона.**

Мы за правое дело дрались, камарад,
Нам война ненавистна иная.
Говорю я: «Будь счастлив, французский собрат»,
Верность клятве своей сохраняя.

В небесах мы летали одних,
Мы теряли друзей боевых,
Ну а тем, кому выпало жить,
Надо помнить о них и дружить.

«Все мы без исключения, — писал в своем письме Маресьеву бывший командир полка «Нормандия — Неман» бригадный генерал авиации Пьер Пуйяд, — храним лучшее воспоминание о всех советских летчиках, с которыми мы познакомились во время войны.

Мы никогда не забудем их, независимо оттого, кем они были: нашими руководителями, товарищами по борьбе или же подчиненными. Мы хотели бы только чаще встречаться с ними и пожелать им и их семьям большого счастья и самого хорошего здоровья. [...]

Выражая чувство признательности за прием, оказанный нам в Советском Союзе, мы имеем в виду также и весь советский народ. Всегда и везде, где бы мы ни были, будь то на фронте, в Туле или Москве, он встречал нас приветливо и с большим гостеприимством. Повсюду мы чувствовали его любовь, и он научил нас в свою очередь полюбить Вашу страну».

Помимо бывших летчиков полка «Нормандия — Неман» крепкие узы дружбы связывали Маресьева с основанной еще писателем-антифашистом Анри Барбюсом Республиканской ассоциацией ветеранов войны (ARAC). Его не раз с огромной радостью принимали коллеги в Париже и других городах Франции. По их приглашению Маресьев принимал участие в национальных конгрессах ARAC и в праздниках ее газеты *Le Reveil des combattans* («Пробуждение бойцов»).

В трудные для России 1990-е годы, когда в аптеках было хоть шаром покати, французские коллеги не раз выручали Маресьева медицинскими препаратами, в которых нуждался он и его младший

сын Алексей. Один из тех, кто помогал ему, был почетный президент Федерального союза ветеранов Сопротивления офицер Почетного легиона Марсель Фивель-Деморэ. Сохранилось письмо, в котором Маресьев благодарит своего коллегу за присланные лекарства. Вот строки из его послания:

«Дорогой друг Марсель Фивель-Деморэ!

Очень признателен за посланные медикаменты. Ты спрашиваешь, нуждаюсь ли я еще в этих лекарствах. Откровенно сказать, нуждаюсь. Но ты не пишешь, сколько я должен за полученное ранее. Не хотелось бы оставаться в долгу.

Поэтому, не отказываясь от твоего предложения, убедительно прошу сообщить, сколько всего с меня причитается. Я немедленно вышлю деньги.

Обнимаю тебя, мой друг. До свидания».

Дружелюбные французы также предложили Алексею Петровичу сделать новые протезы, с которыми можно было даже бегать. Однако для этого требовалось лечь на операцию в парижскую клинику чуть ли не на полгода. Маресьев вежливо отказался. Не в правилах Алексея Петровича было быть кому-то обязанным. Так и проходил он до конца своих дней в отечественных протезах. Хотя некоторые недоброжелатели распускали слухи, что протезы ему якобы сделали по спецзаказу в Лондоне, в Королевской клинике. Но это не более чем слухи, которые Алексею Петровичу однажды даже пришлось опровергать. На Кунцевской игольной фабрике, где он выступал перед работниками, одна женщина прямо заявила: «Ему хорошо тут рассказывать, сам-то на королевских протезах ходит». Маресьев улыбнулся, потом ответил: «Наверное, королевские протезы были бы лучше, удобнее, эстетичнее, но мне все-таки привычнее в наших ходить, они надежнее и просты в обслуживании».

А вот что рассказал об отцовских «ногах» сын Маресьева Виктор, с которым автор встречался во время работы над книгой: «Отец всю жизнь носил одну модель протезов — старомодную, советскую, с сыромятными ремнями. Встал на них еще в войну. Четырнадцать пар за всю жизнь износил. Надевал на культю сначала шерстяной носок, потом гладкий, затем колено на шарнирах, шнуровка... Он сам всегда ухаживал за протезами. Правда, периодически ездил в ортопедический центр на Коровинском шоссе (отец его звал “проспект Му-му”), когда требовалась серьезная починка. Был у папы и знакомый протезный мастер. К нам иногда заходил. Они сидели вдвоем и колдовали над механизмами. Но чаще всего отец командовал: “Витька, а ну-ка носи масло подсолнечное, блюдце и спички. Будем смазывать шарниры”. У него и ключики имелись специальные — сам подтягивал все соединения. Ведь оно как в жизни случается: то чуть пополнел — то слегка похудел, и жизни организацией, от имени сотен тысяч бывших участников Сопротивления отстаивавшей свою точку зрения. Более того, ООН официально признала миротворческую роль ЕК в 1980-е годы. Тогда же

Маресьев получил из рук представителя ООН в Вене почетный диплом «Посла мира», которым была награждена РІК, она получила статус ассоциированного члена ЮНЕСКО и вошла в число членов двух неправительственных организаций при ООН — по разоружению и по правам человека.

Однако свою первую международную награду Маресьев получил гораздо раньше, а точнее через три года после работы в столь представительных организациях. И вот как это было. В сентябре 1959 года в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное 10-летию Движения сторонников мира. Большой группе активных деятелей борьбы за мир были вручены грамоты и медали Всемирного совета мира. Среди награжденных были режиссеры Г. В. Александров и С. А. Герасимов, писатели М. А. Шолохов и И. Г. Эренбург, композитор Д. Д. Шостакович и др. Алексей Петрович удостоился серебряной медали. Этой наградой Маресьев очень гордился и дорожил.

Являясь членом международных ветеранских организаций, Маресьев вместе с другими ветеранами периодически выезжал за рубеж. Свою задачу он видел в том, чтобы проводить политику Советского государства, направленную на сохранение мира и на объединение усилий антифашистских организаций в борьбе с военной угрозой. К голосу ветеранов войны из СССР, в том числе и Маресьева, прислушивались на Западе. Мировое сообщество убедилось, что советские ветераны войны вместе с международными антифашистскими организациями способны отстоять мир на земле. Благодаря их активной позиции в значительной мере удалось обуздать агрессивные действия США, их союзников по блоку НАТО и отойти от опасности развязывания новой мировой войны.

К слову сказать, во время поездки Маресьева в США с ним произошла забавная история, но одновременно и показательная. Ее участником также стал Б. Н. Полевой. В распространенном среди представителей СМИ пресс- релизе сообщалось, что в составе советской делегации находятся автор и герой книги «Повесть о настоящем человеке». Когда самолет приземлился, Маресьев легко спустился по трапу. А вот у Полевого во время полета случился приступ ревматизма. Поэтому он сошел с лестницы с большим трудом, боком. И журналисты приняли его за Маресьева. В американских утренних газетах на фотографиях Полевой фигурировал как Маресьев, а Маресьев — как Полевой.

Впоследствии Полевой с улыбкой вспоминал, что с этой путаницей они смирились, ходили по улицам Вашингтона, поменявшись фамилиями до тех пор, пока не пришла пора возлагать на Арлингтонском национальном кладбище венки на могилу неизвестного солдата. По американскому ритуалу военный, возлагающий венок, должен опуститься на одно колено. Естественно, Полевой это проделал легко, а у Маресьева из-за протезов возникли определенные трудности. Так Маресьев и Полевой обрели свои имена.

Уместно привести еще одну историю, связанную с

американцами. Действующими лицами в ней вновь были Маресьев и Полевой. О ней рассказал А. А. Кушнарев в своей книге «Алексей Маресьев: “Я не могу не летать”». В один из дней в квартире Маресьева зазвонил телефон. На другом конце провода был Полевой.

— Петрович, вызывай машину, — сказал писатель. — Едем в гостиницу «Советская». Тут один американский журналист проиграл мне спор и накормит нас ужином.

— А я здесь при чем? — удивился Маресьев.

— Как при чем?! Ты и есть мое пари.

Выяснилось, что заокеанский репортер не мог поверить, что описываемые в «Повести о настоящем человеке» события могли происходить на самом деле, а герой книги отличается от реального прототипа лишь всего одной буквой фамилии. За недоверчивость пришлось расплатиться.

Но, даже познакомившись с живым русским летчиком, американец не сдался.

— Я готов поверить, что этот уникальный парень действительно совершил то, о чем вы написали. Но, скажите, во имя чего он это делал? Вот если бы вы показали его мечту, чтобы его произвели в генералы и обеспечили до конца жизни...

Разубедить американского репортера Маресьеву и Полевому так и не удалось. Через несколько лет Полевой вновь встретился со своим американским коллегой — теперь уже в Вашингтоне. Американец сам подошел к Полевому и сказал:

— И все-таки я не верю. Не могу поверить...

Ничего удивительного в этом не было. Журналисту везде мерещилась красная пропаганда. Зато американских ветеранов Второй мировой войны, с которыми у Маресьева сложились в основном неплохие отношения, не надо было ни в чем убеждать. Они хорошо знали судьбу легендарного русского летчика, охотно делились с ним опытом ветеранской деятельности.

Ветеранское движение набирало тогда силу и в Советском Союзе. СК.ВВ выступил одним из инициаторов создания системы героико-патриотического воспитания молодежи. По инициативе комитета в Москве на Поклонной горе в 1958 году был установлен закладной камень памятника Победы, где впоследствии открыли мемориальный комплекс Центрального музея Великой Отечественной войны. Вчерашние фронтовики в качестве наставников пошли в школы, в пионерские и комсомольские организации, на фабрики и заводы, чтобы передать подрастающему поколению не только свои знания и опыт, но и привить любовь к Родине.

Несмотря на большую занятость, Маресьев выкраивал время для встреч с людьми, в первую очередь с молодежью. Просьб и приглашений на выступления он получал множество. И старался никому не отказать. К каждой встрече Алексей Петрович основательно готовился — думал, читал, делал записи.

В августе 1957 года Маресьев стал почетным гостем VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Этот

форум, проходивший под лозунгом «За мир и дружбу», собрал 34 тысячи участников из 131 страны мира. В памяти участницы фестиваля И. П. Барыкиной-Колесниковой сохранилась встреча с прославленным летчиком: «Тогда прошло всего 12 лет после окончания войны. Война еще напоминала о себе огромными людскими потерями, разрухой. А поэтому всем хотелось мира, дружбы народов. Эти призывы к миру, дружбе звучали на всех мероприятиях фестиваля.

С огромным вниманием и теплотой относились делегаты фестиваля к участникам Великой Отечественной войны. Мне посчастливилось побывать на встрече с Героем Советского Союза летчиком А. П. Маресьевым. Встреча состоялась на Манежной площади в один из дней фестиваля. В сумерках несколько тысяч молодых людей пришли на Манежную площадь. У каждого в руках горящая свеча в память о погибших защитниках Родины. На трибуне появляется Маресьев, которого встретили овацией. Он говорит о тяготах войны, о потерях миллионов людей и великой по- 206 беде, призывает беречь мир от войны. Заканчивается встреча песней «Гимн демократической молодежи». Мы все на разных языках страны поем:

Дети разных народов
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.

Затем мы общались между собой, обменивались сувенирами, адресами, значками...»

Поездки, встречи, выступления... И хотя это тоже являлось частью работы нашего героя, никто не отменял текущих дел, которых хватало с избытком. Ключевым направлением работы СКВВ являлось решение социальных проблем инвалидов и участников войны. Еще 6 мая 1942 года советское правительство приняло Постановление «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны», в соответствии с которым совнаркомам союзных и автономных республик, областным и краевым исполкомам, руководителям предприятий, учреждений и организаций было предложено в кратчайшие сроки, без задержек, предоставлять инвалидам Отечественной войны необходимую работу. На руководителей хозяйственных и советских организаций была возложена персональная ответственность за создание инвалидам необходимых производственных и бытовых условий, предоставление в первую очередь жилплощади. Это же постановление обязало наркоматы социального обеспечения организовать обучение новым специальностям инвалидов Отечественной войны, которые по состоянию здоровья не могли быть использованы по их прежней специальности.

В то тяжелейшее время, когда война грохотала в глубине России, государство немного могло сделать для улучшения материального положения и бытовых условий инвалидов и

участников войны, а также семей погибших воинов. Но все, что было возможно, делалось безусловно.

Однако в послевоенные годы, когда миллионы солдат вернулись с полей сражений, проблем жилищных, кадровых, пенсионных, медицинских прибавилось в разы. Причем с такими проблемами в равной степени сталкивался что бывший солдат-пехотинец, пропахавший пол-Европы, что не раз горевший в танке отставной офицер-танкист, что медсестра, вынесшая на своих хрупких плечах десятки раненых... И даже маршал. Кому-то это может показаться странным, но маршал авиации Г. А. Ворожейкин, бывший командующий 15-й воздушной армией, в которой воевал одно время Маресьев, после увольнения в 1947 году по болезни остался не у дел. Когда Ворожейкин обратился в райком партии по месту жительства с просьбой помочь ему устроиться на соответствующую его уровню работу, то ему, маршалу авиации, недавнему 1-му заместителю командующего ВВС страны, словно в насмешку, один из партийных секретарей предложил должность... заведующего баней. К сожалению, встречались и такие вопиющие факты.

Конечно, в стране хватало учреждений, куда могли обращаться вчерашние фронтовики со своими наболевшими вопросами. Но правда и то, что им часто приходилось наталкиваться на непробиваемые заслоны бюрократизма, волокиты, равнодушия и черствости чиновников. И тогда последней инстанцией, где фронтовики находили поддержку, был СКВВ. Писали, шли, ехали туда. Знали, что там откликнутся, выслушают, разберутся, помогут. Сколько человеческих судеб прошло через душу и сердце Маресьева — сейчас через версты времени уже не сосчитать. Однако с уверенностью можно сказать, что счет идет на тысячи.

Вот лишь одна трогательная история. Ее поведала автору книги И. Латышева, дочь и внучка фронтовиков. Вот ее рассказ: «С именем Алексея Петровича Маресьева в нашей семье связана реальная Благодарная память. Наша семья жила в 1950-х годах в центре Днепропетровска на улице Ленинградской в старой хате, состоявшей из одной комнаты. Однажды, когда я, восьмилетняя девочка, делала уроки за столом, прямо на меня обрушилась часть потолка. Кроме жуткого испуга, слез, царапин и синяков больше серьезных “ранений” не было. Вечером по радио была всеми любимая передача “Где же вы теперь, друзья-однополчане...”. Моя мама всю войну прошла с 46-м гвардейским ночным бомбардировочным авиационным Таманским Краснознаменным, ордена Суворова 3-й степени полком (“ночные ведьмы”). После тяжелого ранения вернулась в строй, в Берлине на рейхстаге расписалась за себя и погибшую 22-летнюю сестру, стрелка-радиста тяжелых бомбардировщиков. Папа тоже воевал, только в истребительном авиаполку, дядя — танкист... Всего в нашей семье сражались с фашистами 9 человек, из них — 3 женщины. Слушая передачу по радио и все еще представляя, что дочка могла погибнуть под обломками потолка, мама написала слезно-гневное

письмо в редакцию о судьбе семьи (2 человека погибли, 4 ранены). Отправила, никому не сказав. Редакция переслала письмо Алексею Маресьеву, ответственному секретарю Советского комитета ветеранов войны. Через какое-то время ее вызвали в обком партии. Шла туда не без дрожи в коленках. Маму проводили в кабинет тогдашнего 1-го секретаря Днепропетровского обкома партии В. В. Щербицкого. Партийный секретарь пожал ей руку и тут же спросил: “Мэри Иосифовна, почему о такой героической женщине в нашем городе я узнаю от Алексея Петровича Маресьева?” Маме сразу предложили на выбор: 3-комнатную квартиру на Левобережье или 2-комнатную в центре. Она выбрала центр, улица Комсомольская (до революции Казачья, теперь Ста-рокозацька). А в день моего 12-летия двоюродные бабушка и дедушка — военврачи в годы войны — подарили мне большую красивую книгу Бориса Полевого “Повесть о настоящем человеке”. Я редела, читая историю летчика. Книга с надписью “Будь и ты, Ирочка, Настоящим Человеком” сегодня бережно хранится в нашей семейной библиотеке».

К людским бедам, которые для Маресьева никогда не были чужими, нежданно-негаданно добавилась в те годы и своя горечь. В 1958 году в семье Маресьевых на свет появился второй ребенок, которого в честь отца назвали Алексеем. Мальчик рос здоровым, крепким. Но через три года пришло несчастье. Находясь в детском саду, маленький Алеша отодрал от паркета тоненькую щепочку, засунул ее в нос, а кусочек обломился и остался внутри. Ни в детском саду, ни дома тогда на это не обратили внимания, поскольку не знали об оставшемся в носу мальчика инородном предмете. Вскоре началось нагноение, инфекция попала в мозг. А дальше — неизлечимая болезнь под названием «эпилепсия».

По словам брата Виктора, «Алексей четыре раза в день пил по 9—11 таблеток, которые очень дорого стоили. Отец даже просил зарплату ему поменять на доллары по низкому курсу, чтобы покупать в венской аптеке очень редкие лекарства. Так и прожил брат с родителями всю жизнь. Ни рюмочки не выпил, ни разу не поцеловался. В основном с ним занимался отец. Алешкина болезнь нам всем была как ножом по сердцу. Умер он в 2002 году. Ему было 44 года».

Болезнь младшего сына для Маресьева до конца жизни оставалась незаживающей раной. Это был тяжкий крест, который он упрямо нес, не передавая никому. Алексей Петрович никогда не жалел для сына денег на дорогие зарубежные лекарства. Более того, взял за правило ежемесячно откладывать часть зарплаты на счет в сберегательной кассе.

— Я хочу накопить сумму, чтобы проценты составляли 100 рублей в месяц, — делился Алексей Петрович своими финансовыми планами с коллегами по работе. — Еще 32 рубля Алешинной пенсии по инвалидности — и он сможет на эти деньги безбедно прожить, когда меня уже не будет на белом свете.

К началу 1990-х годов Маресьеву удалось накопить 50 тысяч рублей — деньги по советским меркам не просто огромные, а

колоссальные. Но непродуманные реформы тех лет — сначала павловская, а затем гайдаровская — обратили весь маресьевский «капитал» в жалкие гроши, на которые можно было купить разве что несколько ящиков водки.

Однако вернемся к послевоенным рабочим будням нашего героя. Ежедневно на стол Маресьева ложилась объемная стопка писем. Некоторые авторы посланий, не зная точного адреса СКВВ, писали на конвертах буквально следующее: «Москва. Кремль. Маресьеву». Наверное, полагали, что Маресьев работает именно там. А часто просто писали: «Москва, Маресьеву». Писем приходило много. Ведь только инвалидов войны, согласно официальной статистике, в стране насчитывалось почти три миллиона человек. Их пенсии были мизерными, медицинская помощь и обеспечение лекарствами, протезами оставляли желать лучшего.

Конечно, такие люди нуждались в особой поддержке и помощи. Однако отношение к вчерашним фронтовикам, потерявшим в боях с врагом руки, ноги, зрение, слух, было нередко безразличным. Еще более бездушно чиновники относились к «самоварам Сталина» — так кощунственно окрестили людей, которые на войне лишились всех конечностей. У этих несчастных не имелось семей, они часто спивались, не по своей воле становились пособниками воров и бандитов. Сотрудники СКВВ буквально шли в атаку на чиновников, штурмовали их кабинеты, обрывали телефонные трубки с одной лишь целью — помочь фронтовикам решить ту или иную острую проблему. В большинстве случаев добивались положительного решения вопроса.

Однажды Маресьева даже вызвали в ЦК, где ему прямо сказали:

— Алексей Петрович, дорогой, не превращайте комитет в собес.

Маресьев за словом в карман не полез, сразу нашел чем ответить:

— Социальное обеспечение само собой, но если придут люди с просьбой — я же их не выгоню. И буду им стараться помочь...

— Нет, — продолжал работник аппарата ЦК, — ваше дело заниматься вопросами международного сотрудничества, патриотическим воспитанием молодежи, а всего остального как можно меньше.

С приходом в 1964 году к власти на место крепко разругавшегося с высшим военным руководством Н. С. Хрущева нового руководителя страны Л. И. Брежнева отношение к ветеранам и инвалидам войны в корне поменялось. Сам фронтовик, имевший ранения и контузии, начавший воевать полковым комиссаром в тяжелом 1941 году и закончивший войну в победном мае 1945 года в Праге начальником Политуправления 4-го Украинского фронта, Брежнев многое сделал для обеспечения инвалидов и участников войны всем необходимым. А также для укоренения памяти о подвиге советского народа в борьбе с

фашизмом.

Меньше чем через год после избрания Брежнева генеральным секретарем ЦК КПСС, 6 марта 1965 года, вышло постановление Совета министров СССР «О расширении льгот инвалидам Отечественной войны и членам семей военнослужащих, погибших в Отечественную войну». Самое активное участие в его подготовке приняли СКВВ и лично Маресьев, знавший, как никто другой, проблемы ветеранов. Знаменательно, что этот социально значимый нормативный акт был принят в преддверии возрождения всенародного празднования Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Документ вменил в обязанность советам министров союзных республик принять меры по коренному улучшению лечебно-профилактической помощи инвалидам, обеспечить преимущественное обслуживание их в амбулаторно-поликлинических учреждениях и внеочередную госпитализацию. Профсоюзные организации должны были обеспечивать первоочередное направление работающих инвалидов Отечественной войны в санатории, дома отдыха и на амбулаторно-курортное лечение, заботиться в первую очередь о направлении их детей в пионерские лагеря.

Этим же постановлением Совет министров СССР обязал советы министров союзных республик, министерства, ведомства, исполкомы местных Советов оказывать всемерное содействие инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих, погибших в Отечественную войну, в преимущественном обеспечении их жилой площадью и в строительстве индивидуальных жилых домов.

Еще один важный документ был опубликован в центральных газетах 27 апреля. Это был Указ Президиума Верховного совета СССР от 26 апреля 1965 года, он гласил: «Президиум Верховного Совета СССР постановляет: День 9 мая — праздник победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. — впредь считать нерабочим днем». И здесь тоже есть большая заслуга СКВВ, руководство которого неоднократно обращалось в высшие инстанции страны с ходатайством сделать этот святой день настоящим праздником.

В результате он действительно стал таковым. 9 мая 1965 года на улицы городов, поселков, сел, станиц, деревень, аулов и кишлаков впервые вышли тысячи ветеранов, на пиджаках которых сверкали ордена и медали. В этот же день на Красной площади в Москве после долгого перерыва в ознаменование 20-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне состоялся военный парад. Он стал важнейшим событием в жизни всей страны и обозначил пристальное внимание государства к людям, которые отстаивали свободу и независимость Родины и освободили Европу от коричневой чумы.

Парад транслировали в прямом эфире по телевидению. Маресьев вместе с другими почетными гостями смотрел его с трибуны, установленной рядом с Мавзолеем В. И. Ленина. У него,

как и у миллионов советских людей, дрогнуло от волнения сердце, когда на Красную площадь вынесли Знамя Победы. Знаменная группа в составе легендарных участников штурма Рейхстага Героев Советского Союза полковника К. Я. Самсонова, сержанта М. А. Егорова и младшего сержанта М. В. Кантария чеканным шагом прошла с алым полотнищем по гранитной брусчатке главной площади страны. Вечером того же дня, в 18.50, в разных уголках страны из радиоприемников раздался мощный голос Ю. Б. Левитана: «Слушайте Москву! Сейчас работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение. Слушайте Москву!»

«Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему. К памяти вашей...» Это уже был выразительный голос диктора В. В. Енютиной. На фоне музыки Роберта Шумана зазвучали чеканные слова: «Вспомним тех, кто не вернулся с войны, кто не дошел с нами до Дня Победы. Нет семьи, которая не потеряла бы отца или брата, сына, сестру, дочь.

Нет дома, которого не коснулось бы военное горе. У каждого свой счет к войне. У матерей — за сыновей, в чью гибель они никогда не поверят и до самых последних дней будут все ждать и ждать их. У детей — за отцов, от которых в памяти остались только прощальный поцелуй да сильные руки, когда-то высоко поднявшие ребенка. Проходят весны и зимы. Проходит год за годом, а они все те же, какими ушли от нас. Они всегда с нами и в нас... Минутой молчания мы чтим всех погибших в Великой Отечественной войне! Они всегда с нами — в наших домах, в цветущих садах и лесах новостроек, в светлых улыбках детей, в том счастье, что принесла на родную землю наша Победа...»

Спустя десятилетия после окончания Великой Отечественной войны это была первая минута молчания. Она заставила многих людей, сидевших за празднично накрытыми столами, встать, затаить дыхание. Даже в театрах и концертных залах были прерваны спектакли. На улицах Москвы останавливались автобусы, трамваи и троллейбусы. Люди выходили и застывали в скорбном молчании. Многие плакали.

К сожалению, в те праздничные майские дни Маресьев понес тяжелую личную утрату — умерла его мать Екатерина Никитична. Для Алексея Петровича она всегда была самым дорогим и близким человеком, совестью и примером в трудный час. Однако жизнь продолжалась...

Через два года, 8 мая 1967 года, Маресьев оказался в самом центре людского внимания. Миллионы телезрителей увидели не экранного, а реального Настоящего человека. Причем не только в Советском Союзе, но и во многих странах мира. В этот день в Александровском саду, у древней Кремлевской стены при непосредственном участии Маресьева был открыт мемориальный комплекс «Могила Неизвестного Солдата» и зажжен Вечный огонь. Но обо всем по порядку.

Вопрос о том, что в Москве должен стоять памятник безымянным воинам, павшим смертью храбрых на фронтах

Великой Отечественной войны, обсуждался еще при прежнем руководителе страны Н.С. Хрущеве. Необходимость строительства такого мемориала к тому времени более чем назрела, поскольку в ряде европейских столиц, в частности, Белграде, Риме, Варшаве, Париже и других городах, Могилы Неизвестного Солдата уже были открыты. Многим это покажется странным, но столица Советского Союза подобного мемориала не имела. Хотя, как всем известно, советский народ вынес на своих плечах всю тяжесть самой страшной войны XX века. Более того, число безымянных могил, находившихся в местах отгремевших боев, было огромное количество, равно как и число пропавших без вести солдат и офицеров.

Вскоре решение о сооружении мемориала было принято, а первым шагом к началу его строительства стал перенос праха неизвестного солдата, погибшего зимой 1941 года на 40-м километре Ленинградского шоссе у деревни Крюково. 3 декабря 1966 года из Зеленограда прах доставили в Москву на оружейном лафете. На улице Горького его встречали десятки тысяч москвичей. От мала до велика. Люди не скрывали слез, когда мимо них двигался траурный кортеж.

— Кого хоронят? — спрашивали те, кто был неосведомлен о происходящем.

— Останки неизвестного солдата! — был ответ.

И улица вбирала в себя еще больше людей.

В скорбном молчании процессия прибыла на Манежную площадь. У ворот Александровского сада процессию встретил генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, а вместе с ним — маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский, командовавшие во время обороны Москвы, когда погиб неизвестный солдат, Западным фронтом и 16-й армией. Как говорилось в репортаже с места событий: «За гробом идут руководители Компартии и Советского правительства, маршалы»...

Уже через полгода мемориал «Могила Неизвестного Солдата» (архитекторы Ю. Р. Рабаев, Д. И. Бурдин, В. А. Климов, скульптор Н. В. Томский) был закончен. Мемориал представлял собой большую надгробную плиту, на которой авторами была создана символическая скульптурная композиция: лавровая ветвь и солдатская каска на ниспадающем тяжелыми складками знамени. В центре — ниша с бронзовой пятиконечной звездой и надписью «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

Седьмого мая 1967 года в Ленинграде от Вечного огня на Марсовом поле зажгли факел, который по эстафете на бронетранспортере доставили в Москву. По свидетельству участников этого памятного мероприятия, на всем пути от Ленинграда до Москвы стоял живой коридор — тысячи людей считали своим долгом отдать дань памяти солдатам Великой Отечественной войны. У Манежной площади факел принял Маресьев. По протоколу он должен был его передать генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу.

Сохранились уникальные кадры кинохроники, запечатлевшие незабываемые минуты этой торжественной церемонии. Легендарный летчик с факелом в руке в сопровождении знаменных четким строевым шагом подходит к руководителю государства, передает его. Еще мгновения — и пламя Вечного огня вспыхивает над Могилей Неизвестного Солдата.

«Я видел плачущих мужчин и молящихся женщин, — вспоминал очевидец этого события писатель Д. А. Минченков. — Люди замерли, стараясь не пропустить самого важного мига — зажжения Вечного огня».

А вот свидетельство ветерана Великой Отечественной войны В. Н. Лачугина: «В Александровский сад въехал бронетранспортер с факелом, зажженным от Вечного огня на Марсовом поле Ленинграда, и остановился ближе к Манежу, метрах в 50-ти от мемориала.

Офицер, прибывший на бронетранспортере, передал факел А. П. Маресьеву. Герой Советского Союза, легендарный летчик по-военному четко повернулся и понес факел к мемориалу.

Как он шел!

Это был четкий шаг, безупречная осанка, целеустремленное и вдохновенное лицо!

Он осознавал значение этого исторического момента и всю полноту ответственности — достойно выполнить эту почетную миссию от имени всего фронтового братства — и живых, и павших.

В те мгновения мне показалось, что весь мир должен навсегда запомнить именно этот образ Настоящего Человека Планеты, выполняющего исторический долг — увековечить память тех, кто не вернулся с войны».

С тех пор каждый год 9 мая, 22 июня, в другие памятные дни люди идут в Александровский сад, чтобы возложить на могилу цветы и поклониться Неизвестному солдату. Кажется, Вечный огонь здесь горел всегда. Между тем ныне мало кто, особенно из нового поколения граждан России, знает, что этот огонь был зажжен и благодаря Маресьеву. С 1997 года здесь располагается пост № 1, на который заступают воины роты почетного караула.

К месту сказать, когда в 1985 году в Советском Союзе началась перестройка, в ряде «демократических» СМИ Алексея Петровича пытались уязвить этим, якобы подобострастным поведением перед главой государства. Дескать, не надо было строевым вышагивать, да и самому нужно было зажечь Вечный огонь, а не передавать Брежневу факел. Подобные выпады обличителей Маресьев парировал достаточно спокойно: «Факел я вручал не генсеку, а такому же, как сам, фронтовику, который всегда очень душевно и заботливо относился к тем, кто воевал в минувшей войне. А вот Горбачев и Ельцин ни разу у меня не поинтересовались, как живут, вернее, как доживают свою жизнь ветераны».

И не согласиться с этим нельзя. Вообще, эпоху правления Брежнева Маресьев оценивал очень положительно. Но вовсе не

потому, что у него с генсеком были хорошие отношения, перешедшие в дальнейшем в настоящую человеческую дружбу, а потому, что Леонид Ильич действительно уважал и любил фронтовиков. Сам он, как уже сказано в нашем повествовании, прошел войну от звонка до звонка. Добавим, был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды. А боевые награды, всем известно, просто так не давали. 24 июня 1945 года в составе сводного полка 4-го Украинского фронта генерал-майор Брежнев принимал участие в Параде Победы на Красной площади.

Именно при нем в стране кардинально изменилось отношение к ветеранам. Государство в тот период много внимания уделяло решению вопросов, связанных с социальным обеспечением инвалидов и участников Великой Отечественной войны, оказанием помощи семьям погибших воинов. Для казны такая забота была не слишком обременительной, зато на самоощущение ветеранов она влияла весьма благотворно. Было принято несколько важных постановлений партии и правительства, в подготовке которых принимал самое активное участие СКВВ.

Так, в преддверии 30-й годовщины Победы, 18 апреля 1975 года, ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О дополнительных льготах для инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих». Этим нормативным актом был введен ряд новых льгот, касающихся выплаты пенсий, оплаты жилплощади и коммунальных услуг. В частности, инвалидам Великой Отечественной войны I и II групп и приравненным к ним инвалидам из числа военнослужащих и проживающим с ними членам семей предоставлялась пятидесятипроцентная скидка на квартирную плату и коммунальные услуги. Всем без исключения инвалидам было предоставлено право бесплатного проезда на всех видах городского пассажирского транспорта (кроме такси), а также на автомобильном транспорте общего пользования в сельской местности. А многие инвалиды, нуждающиеся по заключению врачебных комиссий в специальных средствах передвижения, стали обеспечиваться бесплатными автомашинами «Запорожец» с ручным управлением.

Примечательно, что не кто иной, как Маресьев, приложил немало усилий для того, чтобы инвалиды получали не мотоколяски-«инвалидки», а полноценные легковые автомобили. Как-то на совещании в Совете министров СССР один из министров спросил его, почему он так настаивает на обеспечении инвалидов войны автомобилями. Маресьев, обычно спокойный, тактичный, не выдержал. На глазах министров задрал штанину, взял со стола указку и, колотя ею, по своему протезу, прямо рубанул:

— Вот почему! Люди за вас, за вашу жизнь воевали, а вы их на убогие коляски посадить хотите!

Больше вопросов ни у кого из присутствующих не возникло. Вскоре состоялось соответствующее решение и инвалидов начали обеспечивать автомобилями.

— Да, действительно, «сражение» за автомобили было, — подтвердил этот факт Алексей Петрович, когда журналисты спросили его о том памятном совещании в Совете министров. — Решался принципиальный вопрос: чем обеспечивать инвалидов — мотоколясками или спецавтомоби-лями. Я от имени фронтовиков потребовал, чтобы в перечень включили и спецавтомобили, и мотоколяски.

Получение бесплатных «Запорожцев» стало для инвалидов войны незабываемым событием. Автор этих строк, будучи мальчишкой, был свидетелем того, как радовался такому подарку бывший танкист, гвардии старший сержант Николай Митрофанович Тратников.

Помню, это был летний день, когда наше село с быстротой молнии облетела весть: дядя Коля, по прозвищу Пучок, приехал домой на легковушке. Ближе к вечеру к дому Пучка потянулись мужики. А мы, пацаны, давно уже там крутились. Вскоре хозяин, средних лет мужчина, без ноги, опираясь на костыль, открыл калитку и призывно махнул рукой:

— Заходите!

В центре двора стоял голубого цвета «Запорожец». Настоящая роскошь тех лет. Мужики с крестьянской дотошностью стали осматривать автомобиль, обмениваться мнениями.

— Движок-то у него, видать, четырехцилиндровый... А сколько, интересно, «лошадей»?

— Двадцать шесть, — со знанием дела, переполняемый радостью, сказал Пучок.

— Николай, неужели бесплатно выдали? — спросил мой отец.

— Бесплатно, Сашка, бесплатно... Спасибо Родине, что не забыла про нас покалеченных.

И было видно, как слезы выступили на глазах дяди Пучка, которые он тут же смахнул рукавом рубахи.

Тратников воевал на Курской дуге, в Восточной Пруссии. В боях под Кенигсбергом его «тридцатьчетверку» подбили, он получил тяжелое ранение. Вернулся в родное село с орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и без ноги. А что значит в двадцатилетнем возрасте остаться без ноги? Да еще на селе. Ни сеять, ни пахать, ни косить... Иными словами, ничего толком делать нельзя. Правда, председатель колхоза, тоже фронтовик, подыскал Тратникову место. Работал он на должности что-то вроде снабженца. За ним была закреплена лошадь, а для поездок в райцентр выделялась грузовая машина. Теперь же, когда Тратников сам сел за руль, надобность в гужевом транспорте отпала. Многие служебные вопросы он решал на своем «Запорожце», колеся по району. Понятно, решал и свои личные дела: ездил в поликлинику, на рынок, перевозил с огорода выращенные овощи, сына из техникума на выходные забирал... И даже как-то совершил поездку на Кавказские Минеральные Воды в санаторий, расположенный за тысячи километров от села. Куда не любил дядя Пучок ездить, так это в областной центр на ВТЭК

(врачебно-трудовая экспертная комиссия), где каждый год надо было подтверждать свою инвалидность. То есть члены комиссии должны были удостовериться, что новая нога у ветерана не выросла.

В те годы тысячи инвалидов, таких как упомянутый Николай Митрофанович, были обеспечены бесплатными автомашинами «Запорожец» с ручным управлением. И мало кто из них знал, кому они были за это обязаны. Только в Москве в течение нескольких лет инвалидам Великой Отечественной войны I и II групп было выдано бесплатно более 6 тысяч легковых автомашин. А всего к 1984 году 400 тысяч инвалидов войны стали обладателями «Запорожца» и мотоколясок. Маресьеву тоже полагался «Запорожец» с ручным управлением. «Симпатичная машинка, — отзывался он о ней. — Но маловата, в нее тяжело было садиться. Так я попросил, чтобы мне дали с доплатой обычный “Москвич” с ножным управлением».

К тому времени Маресьев уже водил машину с педалями. Хотя, по словам Алексея Петровича, ему даже пришлось выдержать бой с медиками, врачи упорно хотели его посадить в автомобиль с ручным управлением. «Но это для меня было совершенно неприемлемо, я просто не сумел бы управлять таким автомобилем, — вспоминал он. — На самолетах ведь летал — ничего, а тут легковую машину не доверяют. В конце концов удалось все же решить и этот вопрос».

Не пришлось Маресьеву и доплачивать за «Москвич». В знак особых заслуг и в связи с его 50-летием Автомобильный завод им. Ленинского комсомола (АЗЛК) подарил легендарному летчику автомобиль, о котором он мечтал. Интересный штрих: когда на заводе рабочие узнали, кому предназначается «Москвич», собрали его вручную. Кроме того, еще со времен Сталина за Маресьевым пожизненно был закреплен автомобиль с водителем. Сначала это был «Опель», потом «Победа», а впоследствии — «Волга».

Не забыло государство и участников войны, не являвшихся инвалидами. Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 10 ноября 1978 года «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны» им, так же как и инвалидам войны, были предоставлены беспроцентные ссуды на индивидуальное жилищное строительство, предоставлено право на преимущественное обеспечение жилой площадью, а также преимущественное право на обеспечение по месту работы путевками в санатории, профилактории и дома отдыха, на прием в садоводческие товарищества и кооперативы и на установку телефона. При выходе на пенсию за ветеранами было установлено право пользования поликлиниками, к которым они были прикреплены в период работы.

Кроме того, фронтовики могли использовать ежегодный отпуск в удобное для них время, а также получить дополнительный отпуск сроком до двух недель в году. Были установлены и другие льготы. Государство не на словах, а на деле реализовывало

социальную политику в отношении ветеранов войны.

К середине 80-х годов прошлого века в стране не без активного участия СКВВ сложилась четкая система льгот и преимуществ участникам и инвалидам войны. Постановлением Совета министров СССР от 23 февраля 1981 года № 209 было утверждено «Положение о льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих». В этом Положении льготы инвалидам войны и семьям погибших воинов были изложены в строгой последовательности по областям социальных отношений. В нем имелись разделы:

1. Льготы по медицинскому обслуживанию, санаторно-курортному лечению и выплате пособий.

2. Льготы по обеспечению транспортными средствами и оплате проезда.

3. Жилищно-бытовые льготы.

4. Льготы по трудовому устройству.

5. Другие льготы.

6. Круг лиц, имеющих право на льготы.

Несколькими годами позже, 26 июля 1984 года, в связи с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли сразу два постановления — «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих» и «О дальнейшем улучшении материально-бытовых условий Героев Советского Союза и лиц, награжденных орденом Славы трех степеней».

Если говорить о конкретных льготах, которые получили тогда участники и инвалиды Великой Отечественной войны, семьи погибших военнослужащих, то они существенные. Например, в соответствии с постановлением «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих» инвалидам I группы была установлена надбавка к пенсии в размере 50 рублей, а инвалидам II группы — 20 рублей. Были повышены пенсии по случаю потери кормильца: для семей старшего и высшего офицерского состава не ниже 60 рублей в месяц; для семей лиц младшего офицерского состава не ниже 60 рублей в месяц; для семей прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы не ниже 55 рублей в месяц. Постановлением полностью были освобождены от уплаты сельхозналога хозяйства, в состав которых ранее входили военнослужащие, умершие вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей воинской службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте.

Участникам Великой Отечественной войны также было предоставлено право на 50-процентную скидку от стоимости приобретаемых по рецепту врачей лекарств.

В процессе подготовки этих и других нормативных актов, а

также при решении ветеранских вопросов Маресьеву в разные годы приходилось встречаться со многими руководителями министерств и ведомств. «С сильными мира сего я встречался, что называется, по работе, — вспоминал Маресьев. — Например, с председателями Совета министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным, Николаем Александровичем Тихоновым... С маршалом Андреем Антоновичем Гречко общался чаще, но опять-таки по делу... Вообще мы, ветераны, раньше от правительства ни в чем отказа не знали. Бывало, звоню члену Политбюро ЦК, фамилию называть не буду. Берет трубку сам или помощник: “Что за проблемы, Алексей Петрович?” — “На прием записаться хочу”. Через день — встреча. А еще через день решение по нашему вопросу готово».

К сожалению, после распада Советского Союза новые «сильные мира сего» не особо жаловали ветеранские организации. Попасть к ним на прием оказалось делом затруднительным. В частности, обида у Маресьева осталась на московские власти. Как-то он обратился в столичную мэрию, которую тогда возглавлял Г.Х. Попов*. Сначала как заместитель председателя СКВВ. Градоначальник отказал в приеме довольно резко: «Я с ним разговаривать не буду!» Тогда Маресьев попросил помощников Попова принять его как москвича, прожившего в столице более сорока лет. И опять получил отказ. Аналогичная ситуация произошла и со следующим мэром столицы — Ю. М. Лужковым. К нему Алексей Петрович обратился по поводу помещения под фонд ветеранов войны. У того тоже не нашлось свободной минуты, чтобы встретиться с легендарным летчиком. А выделение помещения затянулось на неопределенный срок.

Однако мы забежали вперед. Вновь вернемся в советское время. Для Маресьева это были годы интересной, насыщенной и плодотворной работы. Как, впрочем, для миллионов людей, которые, как оказалось с легкой руки некоторых псевдоисториков, жили в брежневскую «эпоху застоя». Но что такое «застой»? Это когда ничего не движется, не происходит, а стоит. Между тем, по оценкам многих серьезных ученых, это был самый спокойный и стабильный период развития страны за все предыдущие века.

*** В 2007 году Г. Х. Попов выступил в защиту генерала А. А. Власова, а в следующем выпустил книгу «Вызываю дух генерала Власова».**

Ликвидировав военную разруху и за короткие сроки восстановив промышленность и сельское хозяйство, Советский Союз уверенно двигался вперед, становясь одной из самых мощных мировых держав. Именно в «годы застоя» СССР окончательно превратился в сверхдержаву, которая оказывала воздействие на другие страны и весь мир. Строились заводы и фабрики, прокладывались железные дороги и возводились электростанции, открывались новые дворцы культуры и учебные заведения... Народ стал жить лучше — получал квартиры, покупал мебель и одежду, приобретал

автомобили, ездил отдыхать к морю. Бесплатные образование и медицина воспринимались как само собой разумеющиеся вещи. Уровень преступности был низким, люди чувствовали уверенность в завтрашнем дне. Большинство из них во имя этого благополучия и спокойствия старались трудиться честно и добросовестно. Каждый на своем рабочем месте. Маресьев принадлежал к числу таких людей. Работе он отдавал себя без остатка.

«Ему до всего было дело. Кабинет Алексея Петровича практически не закрывался. К нему обращались ветераны по самым разным вопросам. Он был душой Комитета. Всегда находил время побеседовать с ветераном, вникнуть в суть его проблемы, помочь. Душевная доброта, общительность, любовь и уважение к людям были отличительными чертами этого легендарного и простого человека, составляли суть его нравственности». Так сказал о Маресьеве председатель Российского союза ветеранов, депутат Государственной думы генерал армии М. А. Моисеев. И в этих словах нет никакого преувеличения, о чем свидетельствует одна история из многих, рассказанная И. П. Чуприк-Малиновским, коллегой Алексея Петровича по работе в СКВВ.

В один из дней, вспоминал Чуприк-Малиновский, СКВВ посетили гости с Кубани — группа школьников во главе со своим учителем, бывшим пулеметчиком партизанской бригады «За Родину» Н. П. Башаро. Гости встретились с Маресьевым, доложили ему о своих следопытских делах. А когда Башаро с подопечными выходил из кабинета, Алексей Петрович заметил, что у гостя какая-то странная походка. Обратившись к Башаро, он спросил:

— Николай Петрович, что это с вами? Нездоровится?

— Нет. Все в порядке.

— Мне показалось, что вы как-то неустойчиво, кренясь набок, пошли, — продолжал Маресьев.

— Да ведь я без одной ноги. Ампутировали после тяжелого ранения, — сказал Башаро. — Смастерил сам деревянную колодку. Вот и хожу.

Маресьев ужаснулся:

— А что, нормального протеза у вас нет?

— Нет, Алексей Петрович. Но вы не беспокойтесь, я уже привык.

— Так дело не пойдет, — сказал Маресьев. — Надо заказывать протез.

Уже на следующий день в одной из столичных клиник у бывшего партизана снимали мерки для изготовления протеза.

Через полтора месяца Башаро был приглашен в Москву. Ему вручили новенький добротный протез.

Дополним этот рассказ воспоминаниями генерал-полковника В. М. Кожбахтеева, которому посчастливилось работать с Алексеем Петровичем: «Не могу не вспомнить и то, как доброжелательно относился А. П. Маресьев к посетителям-ветеранам. Особенно часто к нему на прием шли инвалиды войны. Фронтовики, пожилые люди, получившие ранения, к сожалению,

не всегда находят понимание у своих близких. К кому идти со своими проблемами? — К Маресьеву. Он, будучи сам инвалидом, — их единомышленник. Он хорошо понимал, что такое общение, ему можно “излить” душу. С ним можно поговорить о судьбе сослуживцев, общих знакомых.

Инвалиды помнят инициативную работу Алексея Петровича в Советском комитете ветеранов войны. Созданная по его предложению Комиссия по делам инвалидов при СКВВ установила тесные деловые связи с министерствами здравоохранения, автомобильной промышленности, Советом по курортам ВЦСПС.

Комиссия при активном участии А. П. Маресьева внесла немало важных предложений, направленных на улучшение условий жизни и труда ветеранов. Многие удалось сделать. В частности, сохранить спецгоспитали для инвалидов. Были развернуты новые госпитали, их оснастили новейшим оборудованием, укомплектовали высококвалифицированными кадрами. И в это тоже заслуга А. П. Маресьева».

Имея за плечами большой жизненный опыт, Маресьев также стремился передать все ценное молодежи. Он был настоящим патриотом Отечества. Именно Алексею Петровичу принадлежала инициатива в 1965 году организовать поход комсомольцев и молодежи страны по местам боевой и трудовой славы под девизом «Никто не забыт, ничто не забыто». Молодежь, комсомольцы, возглавляемые учителями, ветеранами войны, энтузиастами, совершали пешие, лыжные и велосипедные походы по местам боев, встречались с фронтовиками, записывали их воспоминания. По всей стране в школах, училищах, техникумах, институтах создавались музеи и комнаты боевой славы, устанавливались памятные знаки и обелиски, выявлялись неизвестные имена и неизвестные эпизоды военной истории.

Ежегодно проходили слеты участников этих походов. В качестве почетного гостя на них присутствовал и Маресьев. Алексею Петровичу, другим почетным гостям слетов маршалам Советского Союза К. К. Рокоссовскому, И. С. Коневу, И. Х. Баграмяну, генералу армии В. И. Чуйкову, генерал-полковнику А. И. Родимцеву было что сказать подрастающему поколению. Эти слова находили отклик в сердцах молодежи. За период с 1965 по 1987 год во Всесоюзных походах приняли участие более 58 миллионов человек. Они собрали богатейшие исторические материалы, реликвии, фотографии, записи воспоминаний командиров и политработников, бойцов и партизан, на основе которых было создано свыше 63 тысяч музеев, комнат и уголков боевой славы. Во время походов следопыты установили более 17 тысяч памятников, обелисков и мемориальных досок на местах сражений, привели в порядок тысячи братских могил, заложили сотни парков и скверов, открыли имена более 45 тысяч неизвестных ранее погибших солдат Великой Отечественной войны.

СКВВ играл важную роль и на международной арене, развивая и укрепляя связи с коллегами из аналогичных зарубежных

организаций. В своей деятельности Маресьев и его коллеги по комитету прилагали немало усилий для того, чтобы объединить широкие круги международной общественности в борьбе за укрепление мира, за разрядку международной напряженности против угрозы новой войны. Кому как не советским ветеранам, а в СКВВ состояло 280 бывших фронтовиков, было известно, сколько страданий, горя и слез приносит война.

На тот момент Советский комитет ветеранов войны являлся членом Международной федерации борцов Сопротивления и восьми международных комитетов, объединявших бывших узников фашистских концлагерей. Кроме того, СКВВ установил контакты со Всемирной организацией бывших фронтовиков, а также с более чем 100 зарубежными организациями ветеранов войны, бывших военнослужащих и участников национально-освободительного движения. Еще больше укрепились связи с национальными организациями ветеранов войны Франции, Бельгии, Италии, Австралии, Англии, Дании, Канады, Норвегии, Голландии, Финляндии, Швеции... И, безусловно, прочные контакты были установлены с ветеранскими организациями стран Варшавского договора.

О своей работе на международном направлении Маресьев говорил так: «Есть ветераны войны против фашизма, а есть реваншисты с более чем сорокалетним стажем, которые, нацепив нацистские регалии, мечтают о восстановлении “нового порядка” гитлеровского образца. Есть генералы, которые, пройдя войну от начала до конца, решили посвятить себя борьбе за мир. А есть генералы, которые до сих пор строят планы уничтожения ненавистного им Советского Союза. Поэтому всячески укреплять контакты с первыми и вести борьбу со вторыми — наша задача».

Для решения этой и других задач Алексею Петровичу часто приходилось выезжать в командировки. Он участвовал в подготовке и проведении Европейской встречи ветеранов войны за мир, безопасность и сотрудничество, которая проходила в Риме в 1979 году, Европейского симпозиума ветеранов войны по проблемам разоружения в Париже в 1975 году, VIII конгресса Международной федерации борцов Сопротивления в Минске в 1978 году и др.

С высоких трибун этих форумов Маресьев говорил не только о сохранении мира, но и не стеснялся разоблачать фальсификаторов истории Второй мировой войны, изобличать военных преступников. Для этого у него были все основания. Уже тогда на Западе стали появляться книги и статьи, авторы которых, кто как мог, старались обелить коричневую чуму XX века в глазах новых поколений, придать «человеческие» черты нацизму, подменить память народов о злодеяниях фашизма реваншистской тоской генералов и адмиралов. Слаженная пропагандистская машина Запада постоянно подвергала атакам Советский Союз, его союзников по Варшавскому договору. Многие советские инициативы искажались или извращались. А некоторые события западные СМИ переворачивали с ног на голову в угоду своим

политическим интересам.

Приведем лишь один характерный пример, который имел место на Европейском конгрессе участников войны и борцов Сопротивления, состоявшемся во Флоренции в апреле 1986 года.

«На тот момент благодаря новым инициативам СССР общий климат в Европе стал несколько улучшаться, — пишет в своих воспоминаниях коллега Маресьева по работе в СКВВ полковник в отставке В. И. Горленко. — Если не шаг, то полшага назад от опасной черты был уже сделан. Во Флоренции перед участниками конгресса с большой речью выступил Маресьев. Она была посвящена вопросам укрепления мира, полного прекращения ядерных испытаний. “Если бы дело дошло до атомного конфликта, — сказал Алексей Петрович, — прежде всего пострадали бы Европа, миллионы ее жителей, ее великие памятники мировой культуры, такие как Ленинград и Москва, Флоренция и Рим, Париж и Лондон”.

По сути, его речь была ярким убедительным призывом к поискам выхода из опасной ситуации, к нормализации отношений между двумя противостоящими блоками — странами Варшавского договора и НАТО. Казалось бы, кто мог выступить против подобных призывов? Оказывается, могли.

Буквально на следующий день влиятельная итальянская газета “Република” вышла под крупным заголовком: “Маресьев угрожает уничтожить Рим и Флоренцию!” Больше всего задевало то, что кое-кто из участников конгресса подходил к членам советской делегации не со словами возмущения поступком солидной газеты, а с призывами “выбирать слова, когда вы говорите не в Москве, а в Западной Европе”. Спокойным оставался один человек — Алексей Петрович Маресьев. “А чего можно ожидать от этих борзописцев? Они выполнили заказ, а там хоть трава не расти”».

«Вообще, необычайная выдержка, спокойствие при самых сложных обстоятельствах были характерной чертой Алексея Петровича, — вспоминал уже знакомый читателю И. С. Кремер. — Именно эти его черты помогли Международной федерации борцов Сопротивления благополучно пережить трудные годы “разброда и шатания” в международных общественных организациях: во Всемирной организации профсоюзов, международных демократических объединениях женщин, молодежи, студентов. Все эти организации в начале 80-х годов распались из-за внутренних разногласий. И только одна — Международная федерация борцов Сопротивления — продолжает свою деятельность и в наши дни. Как и прежде, в центре ее внимания — мир между народами, радикальное сокращение вооружений, борьба с любыми проявлениями нацизма, с попытками властей в некоторых странах уничтожить материальные следы нацистского варварства — бараки концлагерей, крематории, где заживо уничтожали людей».

Но наиболее сложно выстраивались у СКВВ отношения с

американскими ветеранами Второй мировой войны. В первое десятилетие после ее окончания эти контакты были более-менее плодотворными. Ежегодно американская сторона отправляла свои делегации в СССР. В частности, в гостях у советских ветеранов в те годы побывали члены Ассоциации ветеранов и инвалидов Второй мировой войны, руководители Американского легиона (организация ветеранов боевых действий), представители правительственного Департамента по делам ветеранов. В свою очередь советские ветераны, среди которых был и Маресьев, также неоднократно выезжали в США.

Однако, чем сильнее разгоралась холодная война между двумя сверхдержавами, сопровождавшаяся гонкой обычных и ядерных вооружений, временами угрожавшая перерасти в горячую, третью мировую войну, тем хуже становились отношения между бывшими союзниками по борьбе с нацистской Германией. Ввод советских войск в Афганистан (1979) в значительной степени усилил противостояние двух стран. США разорвали ряд договоров и соглашений, объявили эмбарго на торговлю с Советским Союзом. Одновременно был объявлен бойкот Олимпиаде-80, которая должна была проходить в Москве. Под санкции попал и СКВВ, представителям которого американские власти запретили въезд в США. В результате контакты стали все реже и реже, а затем и вовсе прекратились.

По словам Алексея Петровича, «вины в этом американских ветеранов не было. Что они, что мы, утвердившие в 1945 году мир на земле, старались его сберечь и сохранить. Я был твердо убежден, что это благородное дело надо продолжать. Поэтому решил тогда обратиться с посланием к американским ветеранам войны».

Письмо Маресьева к американским ветеранам войны под заголовком «Сберечь и защитить мир» было напечатано в газете «Известия» 23 апреля 1980 года. В нем он напомнил бывшим союзникам о весне 45-го, когда «после напряженных лет войны и грома сражений наступила удивительная и спокойная тишина мира». Красной нитью через все письмо прошла мысль о том, что война — это всегда смерть, разрушения, человеческие трагедии. А в век расщепленного атома война грозит гибелью всему человечеству.

«Я горжусь тем, что моя страна на протяжении всех послевоенных лет последовательно проводила курс на разрядку международной напряженности, обуздание гонки вооружений, развитие добрых отношений и взаимовыгодное сотрудничество со всеми заинтересованными в этом государствами на основе уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела, — писал Маресьев. — И никто не может нас упрекнуть в несоблюдении всех взятых на себя международных и союзнических обязательств».

От имени советских ветеранов войны Маресьев заявил, что «мы не хотим, чтобы пламя войны вновь запылало и над Европой, и над другими континентами. Сберечь и защитить мир —

это требование, как и тридцать лет назад, остается актуальным и сейчас. Вот почему я призываю вас, американских ветеранов, поднять свой голос во имя сохранения мира».

Как известно, большой войны в те годы не случилось, все ограничилось региональными конфликтами. Более того, в середине 1980-х годов значительно потеплели отношения между Советским Союзом и США. Безусловно, основная заслуга в этом принадлежала политикам двух стран, но нельзя сбрасывать со счетов и вклад ветеранов войны, на себе испытавших ее обжигающее дыхание.

Вообще, о ветеранской деятельности Алексея Петровича, которой он занимался без малого полвека, можно рассказывать и рассказывать. К примеру, огромная работа была проведена СКВВ в период с 1958 по 1986 год по розыску бывших узников немецких концентрационных лагерей (Бухенвальд, Дахау, Заксенхаузен, Маутхаузен, Флоссенбург, Ноейнгамме, Освенцим, Равенсбрюк, Штуттгоф и др.). В ряде случаев Маресьев непосредственно вел переписку с национальными общественными организациями, общественными деятелями, ветеранами войны в зарубежных странах, с международными организациями и комитетами бывших узников немецких концентрационных лагерей. Кроме того, он помогал Всемирной федерации бывших фронтовиков в розыске бывших немецких и японских военнопленных на территории СССР.

Годы работы Маресьева в СКВВ вместили в себя многие сотни его поездок как по родной стране, так и по даль- 228 нему зарубежью. Еще больше было встреч с людьми разных возрастов и профессий — счет идет на тысячи и тысячи. К нему обращались за помощью по разным вопросам, советовались, признавались в любви, благодарили за работу, а то и просто просили сфотографироваться на память или дать автограф с напутствием в нуку... Иными словами, покой ему только снился...

В самом комитете Маресьеву посчастливилось трудиться в разное время под началом известных полководцев и военачальников. Начинал он, как сказано выше, с маршалом Советского Союза А. М. Василевским, с которым сразу сложились теплые отношения, деловая и хорошая дружба. Это был один из ярких полководцев недавней войны, проявивший на полях сражений свое военное искусство, талант, мужество и волю к победе. В повседневной жизни Александр Михайлович оставался интеллигентным, скромным и обаятельным человеком. Во многом благодаря Александру Михайловичу, обладавшему огромным опытом штабной работы, за короткое время удалось наладить деятельность новой структуры. Например, повсеместно были созданы секции комитета ветеранов войны. Во многих республиках, краях и областях начали свою работу советы однополчан. Однако из-за болезни Василевский вынужден был оставить свой пост, но до конца жизни поддерживал связь с Маресьевым.

В дальнейшем у руля этой уважаемой и авторитетной

организации стояли Герой Советского Союза маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков (1958— 1962), дважды Герой Советского Союза маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко (1962—1970), дважды Герой Советского Союза генерал армии Павел Иванович Батов (1970—1981), Герой Советского Союза генерал-полковник Алексей Сергеевич Желтое (1981 — 1988), Герой Советского Союза маршал авиации Александр Петрович Силантьев (1988—1992), дважды Герой Советского Союза маршал авиации Николай Михайлович Скоморохов (1992—1994), Герой Советского Союза генерал армии Владимир Леонидович Говоров (1994—2006).

С каждым из этих военачальников у Алексея Петровича сложились не только рабочие, но и дружеские отношения. Хотя, безусловно, не так-то просто было находить взаимопонимание с людьми строгих уставных правил и крепкого закала, которые прежде командовали армиями, фронтами, являлись начальниками штабов разных уров-

ней. Некоторые из них, а именно маршалы Тимошенко и Василевский, руководили в разные периоды военным ведомством страны.

Почти 8 лет Маресьев проработал с маршалом Советского Союза Семеном Константиновичем Тимошенко. Это был настоящий патриот Отечества, человек сильной воли, большой целеустремленности, честности и нравственной силы. Одновременно его знали как отзывчивого и душевного товарища. Семен Константинович обладал аналитическим умом, рассудительностью, деловитостью и трудолюбием. По словам Маресьева, его руководитель всегда занимал активную жизненную позицию, проявлял постоянную заботу о ветеранах войны, страстно отстаивал их права.

К значимым успехам СКВВ того периода можно отнести работу по увековечиванию памяти о погибших воинах. При активной поддержке комитета, в частности, Тимошенко и Маресьева, был открыт мемориал «Партизанам Смоленщины», на территории бывшего фашистского концлагеря Маутхаузен установлен памятник Герою Советского Союза генерал-лейтенанту Д. М. Карбышеву. Тогда же существенно укрепились международные связи с ветеранскими организациями Европы, Азии, Африки и Америки. Показательный штрих: к 1969 году СКВВ установил отношения с 60 организациями, входившими в Международную федерацию борцов Сопротивления и с 20 самостоятельными комитетами и комиссиями бывших фронтовиков. Кроме того, только в течение 1968—1969 годов СКВВ направил в зарубежные страны более 40 делегаций советских ветеранов войны, столько же групп участников Второй мировой войны было принято в Советском Союзе.

С особой теплотой Маресьев отзывался о Павле Ивановиче Батове. Генерал армии, увенчанный двумя Звездами Героя Советского Союза, был необыкновенно скромным, истинно русским человеком. Сблизило Маресьева и Батова еще одно

обстоятельство: оба были волгрями. Вместе они проработали почти 11 лет. В тот период большое внимание было уделено развитию и совершенствованию общественных комиссий. Были созданы Международная комиссия, Комиссия увековечивания памяти погибших при защите Отечества, Наградная, Организационная, которые возглавили бывшие фронтовики. Выросло и число секций — с 17 до 36. Что Батов, что Маресьев стали частыми гостями на Центральном телевидении в программе «Победители. Клуб фронтовых друзей».

Сам Батов так отзывался о Маресьеве: «Поражаюсь его [Маресьева] энергии и силе духа. Знаю порой, что он нездоров, что не все в порядке со здоровьем жены и сына, а он готовит документы к очередному заседанию президиума, встречается с посетителями комитета и делегациями... И все это спокойно, четко, без суеты и спешки. И не принимает никаких увещаний, уговоров отдохнуть, на несколько дней уйти от дел. Нет, продолжает выполнять многочисленные задачи, не упуская ничего, вплоть до самых малозначащих, казалось бы, деталей. В то же время безошибочно отбирает и отмечает все то, что не входит в круг его непосредственных задач и может состояться без его личного участия».

В период совместной работы Батова и Маресьева СКВВ был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Это событие произошло в мае 1975 года, когда страна отмечала 30-летие Победы советского народа над фашистской Германией. Орден СКВВ был вручен за большой вклад ветеранов войны в дальнейшее развитие народного хозяйства, патриотическое воспитание молодежи и плодотворную деятельность по укреплению дружбы между народами.

Не принижая заслуг того или иного председателя Советского комитета ветеранов войны, нужно сказать, что Маресьев играл огромнейшую роль в его повседневной деятельности. Прославленная летчица, Герой Советского Союза Н. В. Попова, проработавшая с Маресьевым много лет, вспоминала: «Я всегда преклонялась перед Алексеем Петровичем. В военную пору он поднялся на Олимп мужества. Многие годы, по сути, был первой скрипкой в Советском комитете ветеранов войны. К нему шли и шли люди. Одни за советом, другие с какой-либо житейской просьбой, третьи просто так, чтобы взглянуть на человека, олицетворяющего Мужество, Стойкость, Волю.

А он оставался самим собой: скромным до бескрайности и по-человечески мудрым, доступным и доверительным. Мы часто бывали вместе на различных встречах с детьми. И я, как руководитель комиссии, обычно представляла его аудитории. Конечно же, стремилась сказать о нем ярче и полнее. А он с некоторой долей укора говорил:

— Не надо, Наденька, обо мне так подробно и возвышенно говорить. Нужно я и сам скажу.

В нем жила чисто человеческая мудрость. В чем-то он был схож с хорошим сельским учителем. Говорил просто, ровно,

спокойно, иногда прибегая к каким-либо житейским советам. И эта его незатейливость в разговоре покоряла слушателей — от убеленных сединами ветеранов до малолетних школьников.

Дети искренне любили Алексея Петровича, можно сказать, обожали. Помнится такой случай. Однажды Алексей Петрович не приехал вовремя на встречу со школьниками. Мы ждали его свыше часа. И тут я сказала:

— Ребята, может быть, на этом закончим встречу?

В ответ услышала:

— Нет, нет. Будем ждать. Мы приехали, чтобы увидеть Маресьева, услышать его.

Он вскоре вошел в зал. И тут разразилась буря аплодисментов. Она не смолкала, пока Алексей Петрович не поднял руку. Извинившись за опоздание из-за аварии машины, Маресьев повел свой обычный разговор: простой, ровный, спокойный, по-житейски мудрый. И надо было видеть, с каким вниманием и почтением слушали школьники идущие от сердца слова прославленного летчика-героя».

Так из дел, забот, поездок, встреч складывались маресьевские будни. В далеких 20-х годах прошлого века поэт Владимир Маяковский в поэме «Хорошо», обращаясь к юноше «обдумывающему житье, решающему сделать бы жизнь с кого», советует ему: «Не задумываясь — делай ее с товарища Дзержинского». Без всякого преувеличения можно сказать, что в 1950-е и последующие годы многие люди разных возрастов и профессий как в Советском Союзе, так и в других странах «делали» жизнь с Маресьева. Об этом наш рассказ в следующей главе.